Дети улицы на елке у А. М. Горького

(Из нижегородского прошлого).

Декабрь — время детской радости: каникулы—отдых, снежные горы, коньки, санки, лыжи. Самое радостное здесь — зеленые елки с игрушками и гостинцами, которые «дед мороз» принес ребятам в своем большом коробе, закинутом за плечи.

Во всей нашей великой стране нет, пожалуй, такой семьи, дети которой не испытывали бы радости праздника елки, справляемого, если не у себя дома, то— что еще лучше — в детском клубе, на детской площадке, в колхозе в обстановке, при которой радость одинокого ребенка получает могучее, яркое, коллективное, еще более радостное, выявление.

— А что было в прошлом? — задает вопрос советская молодежь. — Как веселились дети в старое время? Были, или нет у них елки?

Радости прошлого были уделом богатых, а беднота — дети улицы, чердаков и подвалов наблюдали эти праздники только издали.

* * *

Далекое прошлое. В семье родственника — чертежника Сергеева одиннадцатилетний Алеша Пешков, будущий Максим Горький, живет в «услуженьи». На нижегородской Звездинке он не столько учится чертить, сколько целыми днями и вечерами обихаживает домашнее хозяйство: ставит самовары, бегает по поручениям, «водится» с ребенком. Свои душевно-житейские настроения мальчик пытается выразить в стихах, не особо-складных, но бесспорно искренних:

Господи, господи, — скушно мне!
Хоть бы уж скорей вырасти!
А то житья—терпенья нет.
Хоть удавись, господи прости!
Из ученья не выходит толку,
Чортова кукла—бабушка Матрена
Рычит на меня волком
И жить мне очень солоно.

Проходят года. Алексей Максимович, отойдя от «соленой» нижегородской жизни, проходит курс «своих университетов». Он «в людях».

В тридцать лет, Горький уже известный писатель с мировым именем. И опять он в своем родном Нижнем. Вокруг писателя, как и в детстве, мрачные дома, громады церквей каменной кладки, люди. Длинные кафтаны, «окающая» речь... Бороды, баржи, Плашкоутный мост, острог, миллионка.

В городе уже трамвай, но вместе с ним существует и допотопная «конка», соединяющая окраины — Старую Сенную, Печеры с центральной Большой Покровской улицей.

Медленно двигается переполненный вагон. На лавке — высокий, сутуловатый человек в теплом ватном пальто и в теплой шапке.

Это — Горький. Из своей квартиры он направляется в центр: прежде всего, как это делалось ежедневно. на Осыпную, в книжный магазин Гец, где для писателя откладывались все без исключения новые книги, поступившие за день в магазин; от Геца — в редакцию «Листка» — забрать почту и потолковать с близкими.

На остановке входят две девочки-школьницы, бедно одетые, с книгами в сумках. Войдя в переполненный вагон, девочки беспомощно озираются по сторонам, ища места.

Алексей Максимович со всем своим багажом и толстой палкой быстро поднимается с лавки и усаживает на свое место школьниц. Девочки смущены, не хотят садиться. Некоторые из публики, узнав Горького, поднимаясь, приглашают писателя садиться на их место.

Алексей Максимович, усадив девочек на скамейку, остается стоять возле них. Начинается оживленный, душевный «горьковский» разговор-расспросы: где учатся, как учатся, что читают и т. д. Доехав до конца линии, все трое вместе выходят из вагона и здесь дружески прощаются.

* * *

В своих отношениях к людям покойный Алексей Максимович был прост и сердечен, но еще большую сердечность проявлял он к детям.

Любовь и привязанность М. Горького к детям остались у него на всю жизнь. В детях, в их правильном развитии он видел великое будущее нашей страны и почтительно-нежно склонялся перед этим будущим, приветствуя ребенка, как творца и хозяина новой жизни.

Старая нижегородская «соленая» жизнь была одной из причин осуществления писателем интересного общественного дела. Осенью 1899 г. он встал во главе организации общественной елки для детей нижегородской бедноты. Елка была устроена в помещении городской думы 4 января 1900 года.

Елка удалась. Благодаря участию М. Горького, нижегородцы всех слоев живо откликнулись на призыв писателя и пожертвования потекли в кассу «Нижегородского листка».

Удача первой елки побудила Алексея Максимовича начать подготовку ко второй, более значительной.

В перерыв между этими елками писатель обратился к населению с особым воззванием, — являющимся как бы отчетом писателя перед жертвователями:

«Елка для беднейших детей городских окраин, — писал он, — устроенная в прошлом году в зале городской думы была для ребятишек блестящим, никогда раньше невиданным праздником. Помимо удовольствия, полученного ими от развлечений и гостинцев, 500 детей получили подарки, необходимые вещи, как валенки, шапки, рукавички, ситец на рубахи и платья, платки и много других. Всем этим дети обязаны доброте и отзывчивости нижегородцев, поистине чутких ко всякому голосу, зовущему на помощь ближнему.

Все это надо повторить.

В прошлом году приготовления к устройству елки начались поздно и поэтому многие из жертвователей и лиц, собиравших пожертвования, жаловались на торопливость. В этом году мы об'являем сбор пожертвований несколько раньше, дабы устроить елку, во-первых, для большего количества детей, во-вторых, без суматохи и усталости. Желательно собрать на елку 1000 детей самых обездоленных, не участвующих ни в каких елках, вроде школьных. Дети будут собраны с окраин, в возрасте от 6 до 12 лет. Хочется всем им дать какой-нибудь существенный подарок и устроить хороший, радостный день для них».

На елке в манеже было 1204 человека детей, из них — 637 девочек и 567 мальчиков, преобладающий возраст тех и других — шестилетний.

* * *

Свой художественный отчет о первой общественной елке Алексей Максимович дал читателям газеты в виде очерка **«На елке»**, представив в яркой форме настроения шестилетних ребят-участников детского праздника.

«Человек некий Андрюшка, от роду имеющий 6 лет. На ногах у него были полуразвалившиеся валенки «мамины», и маленькие искривленные «рахитом» ноги Андрюшки болтались в валенках, как песты в ступах.

Живот у Андрюшки огромный. выпятившийся вперед, вздутый. Очевидно, Андрюшка ест много, но непитательно. Нижняя челюсть у него кривая, рот тоже кривой, крупные неправильные зубы не покрываются бескровными губами. Серые Андрюшкины глаза смотрят так, как будто этот маленький господин прожил на земле лет 70, все знает и давно уже ничему не удивляется.

Боясь, что его разлавят в толпе, ребенка посадили на стул спиною к елке, он обернулся, серьезно посмотрел на нее с полминуты и, философски утерев нос, тихо спросил:

— Гостинцев, слышь, дадут?

— Дадут.

Андрюшка кивнул головой и больше не пожелал говорить. Он сидел на стуле, для прочности держался за него руками и серьезно, не мигая глазами, смотрел, как из двери к нему шли и шли один за другим ребятишки.

— Какая-то девица, одних лет с Андрюшкой, увидев толпу народа, взревела истошным голосом:

— К ма-мее ме-ен-я-а!

Один из распорядителей взял ее на руки и понес к елке, уговаривая не плакать и обещая дать гостинцев, подарить на платье. Это сразу успокоило ее.

— Много дашь гостинцев? — осведомилась она, плача и недоверчиво поглядывая в лицо распорядителя.

— Мешок...

— А на платье?

— И на платье...

Она вздохнула, помолчала и снова спросила:

— Не обманешь?

Раненько в шесть-то лет от роду знать, что люди обманывают друг друга? Не правда ли?

— Тебя как зовут?—спросили одного мальчика лет семи от роду, стоявшего, заложив руки назад и подняв кверху голову.

— Петька..., а что?

— Так... Грамотный?

— Нету..., а разве только грамотным гостинцы дадут?—обеспокоился Петька.

— Нет, всем дадут...

— То-то...

— Ты с кем пришел?

— Один.

Дети на елке, организованной Горьким. Алексей Максимович разговаривает с разорившимся купцом А. Зарубиным.
(Снимок из литмузея им. Горького в г. Горьком).

— Мать-то есть у тебя?

— Есть..., да она севодни опять пьяная...

Он сказал это просто. Очевидно давно уже привык к слабостям своей матери. И его слова не возбудили никакого внимания у соседей таких же, как он сам маленьких, грязных, полуодетыхх людей, — для них тоже должно быть не редкость пьяная мать.

В зале дети, ошеломленные видом столов с подарками и красивой блестящей елки, невиданной ими быть может никогда до этого дня, густым пестрым потоком долго ходили вокруг столов, все такие маленькие, немножко угрюмые, очевидно, чувствуя себя неловко в громе музыки и перед лицом всех этих «барынь», с грустным любопытством смотревших на них. Ходили они и от них по зале думы распространялся густой запах — запах давно немытого белья, потного тела, подвальной сырости.

Пятьсот пар глаз жадно и внимательно присматривались к сапогам и кускам ситца на столах и наверное заранее намечали себе желаемое.

В этом молчаливом хождении вокруг столов было что-то до такой степени грустное, отчего у взрослых сердце болезненно сжималось и слезы выступали на глаза.

Роздали подарки.

Раздалось веселое щелканье орехов; в воздухе замелькали оборванные бумажки с конфект. Ребятишки оживились. Послышался смех, веселые крики:

— У тебя сколько конфет в мешке? — спрашивает один другого.

— Шашнадцать... Здорово дают черти»...

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ.